

СТР. 12

«ГОДЫ В ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ ГРЭМ ГРИН ПРОВЕЛ ВОВСЕ НЕ КАК ДЖЕЙМС БОНД»

Грэм Грин (на фото в центре) благодарит пожарного за то, что тот помог писателю выбраться из лифта (Стокгольм, 1952).

ДАТА

— Это правда, что служба в разведке — своего рода семейная традиция?

— Правда, что брат моего деда — сэр Грэм Грин — основал Британскую военно-морскую разведывательную службу в первый год войны. А сестра Грэма Элизабет и ее муж работали в Секретной разведывательной службе, как тогда это называлось. Я думаю, что это в определенной степени семейная традиция; если учесть, что изначально состав этой организации был очень мал — примерно две сотни, можно сказать, что семья в нем неплохо представлена.

— Насколько работа Грэма Грина в разведке отразилась в его книгах?

— Я не думаю, что в книге «Человеческий фактор» можно найти что-то вроде «информации для служебного пользования», как, например, в книгах Джона Ле Карре. Что действительно вошло, так это результаты внимательного наблюдения за нравственными дилеммами и проблемой преданности.

— А каким он был отцом? Каким вы его помните?

— Характерная черта Грэма, которая заслуживает комментария, — его исключитель-

ное понимание психологии детей. Грэм был очень привязан к двум своим детям, и мы в ответ любили быть с ним не меньше, потому что он был с ребенком вежлив, как со взрослым, любили за его терпимость и понимание. Он не навязывал нам своих взглядов, и моя любовь к нему была скорее ближе не к покорности сына, а к привязанности верного друга.

— Как часто вы виделись, что делали вместе, какое участие он принимал в вашей жизни?

— Когда я был маленьким, Грэм был в Африке и потом много времени проводил в путешествиях. Он эмигрировал сначала во Францию, потом в Швейцарию. Поэтому наши встречи были редкими, с длительными перерывами

Я «ТЕХНАРЬ», А ОН ДАЖЕ ЛАМПУ НЕ МОГ ПОМЕНИТЬ

— У вас были какие-нибудь общие увлечения?

— Ну, я думаю, тот факт, что я «технарь», а он даже лампу не мог поменять, в определенной степени разделял нас. Конечно, у любых людей есть общие интересы, и у нас были как жесткие споры, так и взаимное согласие.

— С чем связана ваша любовь к России?

— Мне часто задавали этот вопрос, и часто (к стыду своему) я давал стандартный и ожидаемый ответ. Правда же в том, что Россия — страна и государство — и ужасает меня, и приводит в смещение. Моя душа, как говорится, уходит в пятки, когда я выхожу из самолета и вхожу в серую бетонную темницу «Шереметьево». Каждая из сторон русской жизни напоминает мне о том, о чем было бы лучше забыть, — о ее убогости, закоренелой скрытности и коррупции, которые разрастаются как раковая опухоль, охватывая закон и судопроизводство и каждую ступень администрации. Но с другой стороны — русские! Везде я нахожу людей, с которыми готов говорить весь день, которыми я восхищаюсь, людей глубоких, с во-

ображением, юмором и чем-то еще: Людей, у которых хватает силы воли принимать чудовищные трудности, встающие на пути служения их идеалам, и людей, которые даже смеются, рассказывая вам о себе такие вещи, которые у меня вызывают слезы.

— Чем занимается фонд «Россия», который вы организовали?

— Я отложил часть моих сбережений (как английские дети откладывают монетки в китайскую копилку-поросенка, которая называется piggy bank), чтобы помогать отдельным людям и маленьким организациям в России. Маленькие деньги могут в некоторых случаях многое изменить. Увы! Этого недостаточно, чтобы поддержать всех, кто заслуживает помощи, — даже среди тех, кого я знаю лично. Я ничего не организовывал, я органически не способен что-либо организовать.

— Что побуждает вас финансировать такие проекты?

— Я лишь частное лицо и не могу «финансировать такие проекты», но я могу помочь им разными способами и заинтересовать других в их финансировании. Но я бы отдал всю кровь моего сердца, чтобы противостоять любому возвращению тоталитаризма в Россию — и от имени моей собственной страны, и от имени тех многих россиян, которыми я так восхищаюсь и которых люблю.

— Что стало с Малым Букером?

— Ну, знаете, он изжил себя. Это была сестра, второе «я» «Большого» Букера, который, когда он был учрежден (и я был счастлив участвовать в его учреждении), был единственной литературной премией в России. Сейчас их, наверное, тысяча. У Малого Букера была особая роль. Он бросил спасательный круг «Соло» и журналу «Волга», он выпустил Пелевина, он заставил людей понять, что такая инфраструктура литературы, как ваши уникальные «толстые» журналы и менее престижные жанры (рассказы и повести, мемуары и историческая литература), тоже имеет значение. Все стареет и разрушается, и десяти вручений было достаточно.